

Японский гамбит

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАН

Как принимал японский зритель нашего «Ревизора» в Токио? Залы всегда были полны. Интерес подлинный, но Гоголя в Японии воспринимают сложнее. Водевили по Чехову зал понимал практически без перевода: ситуации узнаваемы, легки, комичны, не требуют глубоких философских обобщений. Смех звучал постоянно.

В «Ревизоре» все было иначе. И дело вовсе не в том, что после малого зала «Мини-сцены» мы оказались в другом пространстве – для большого спектакля дан был и соответственный зрительный зал. В него зрители поднимаются прямо с городской площади на эскалаторе. Огромный, на тысячу мест, очень широкий, рассчитанный скорее на концертно-эстрадное зрелище, нежели на нашего, по своему домашнего «Ревизора». Быстро освоить и обжить такое пространство сложно.

...Занавес японского театра расписан ветками цветущей сакуры – в нежных розовых тонах. Наши монтажники закрепили расписной задник с пейзажем русского провинциального города. Он оказался великоват. Лишняя ткань провисла. Японские коллеги тут же пришли на помощь: по команде ткань бережно и аккуратно была подогнута и зафиксирована с помощью специальных степлеров.

Монтажники поставили декорации. Для «Ревизора» в Японию привезли две громадные деревянные арки из мощного бруса. Символические ворота гоголевского города NN. Это сооружение странным образом оказалось схожим с деревянными японскими воротами в синтоистских и буддистских храмах. Только в отличие от наших верхняя часть арки храмовых ворот выгнута в восточном стиле.

Гоголевский город – совсем не храм, скорее антихрам, и наши огромные ворота стали символической заставкой к спектаклю. Японские зрители читали ее как знак и метафору. К символике в Японии привыкают с момента своего рождения, без ее условностей японцы не мыслят жизни, во всем привыкая видеть метафоры. Символика везде, на каждом шагу – в иероглифах, в литературе, поэзии, искусстве, на театральной сцене, в живописи.

Комический эпизод в «Медведе». Лакей Лука (Валерий Соколов), возмущенный бесцеремонностью гостя, помещика Смирнова (Сергей Цепов), по его просьбе приносит воды, льет воду в чашку, наливает сверху и продолжает лить дальше. Вода переполняет чашку и льется на поднос. Публика восхищенно смеется – это совсем по-японски! У нас тоже смеются над выходкой Луки, решившего поставить барина на место. Но переполненная чаша на языке японской символики – знак молчаливой оценки гостя и означает, что гость переполнен исключительно самим собой, самоупоен донельзя.

«Ревизор» Гоголя в Японии был долгое время неизвестен и переведен лишь в 1932 году, спустя почти столетие после создания. Говорят, что для японцев ситуация «Ревизора» неактуальна. И в самом деле, по современным данным, Япония практически не поражена коррупцией, как другие страны мира. И как наша Россия. Есть своя правда и в том, что Япония отказывается инвестировать средства в российскую экономику по причине все той же российской коррупции. Всегда находится какой-нибудь русский Иван... Хлестаков, падкий на ассигнации. Но вместе с тем, выбирая «Ревизора» для показа в Японии, японцы признавали, что коррупция наблюдается и у них, правда, исключительно в высших эшелонах власти, и что иногда бывают даже судебные процессы.

– Но «Ревизор», – говорит один из моих собеседников, ставший поклонником нашего театра, Ютака Исикава, – это ведь не только о взятках и взяточничестве. Мы правильно понимаем, что вы хотели сказать о чем-то высшем?..

Да, Владимир Георгиевич Боголепов, которого в Токио мы, оценивая достоинства его спектакля, с благодарностью вспоминали каждый день, ставил не бытового Гоголя. Его волновали страсти шекспировского свойства.

На протяжении всей первой части в зале царил тишина, почти мертвая. Тишина сосредоточенная и напряженная. Ни смеха, ни аплодисментов. Трудно было понять реакцию зрителей.

– Ну как? – спросил меня Владимир Алексеевич Солопов – Городничий, когда я в антракте пришла за кулисы. – Зал очень трудный. Глухо.

– Вроде бы глухо, – соглашаюсь я. – Но на самом деле – тихо.

«Глухота» зала обманчива. Сосредоточенная тишина – это напряжение душевных сил зрителя. На «Ревизора» зрители шли сознательно, зная, что выбрали отнюдь не развлечение. Они шли в театр не отдыхать, а главным образом работать – душевно и духовно. Это, наверное, то, о чем мечтал Гоголь, создавая пьесу. У нас в России культура духовных затрат зрителя на спектакле, его внутренней работы утасует. Токийским

узде, держит самого себя в высочайшем напряжении. Именно от него, Городничего, зависят ритм и движение спектакля. Его развитие и его финал. И Солопов показал истинный класс игры. Чиновники не берут взятки, а сами несут и дают, но только забываются, заигрываются, как оглушает их Божественный окрик: «Э-э-эй!» И втягиваются головы в плечи... Да минует кара небесная!..

День ото дня в течение недели спектакль становился сильнее, увереннее, виртуознее. Есть что-то кол-

ры. Японскому зрителю важно, чтобы его реакцию запомнил актер, и он от души дарит открытку, фигурку, новогоднюю игрушку. Каждый раз выстраивалась очередь за автографами: их брали у Евгения Мундума – Хлестакова, Владимира Солопова – Городничего, успех имели наши дамы – Анна Андреевна и Марья Антоновна (Татьяна Иванова и Ирина Ефимова), Бобчинский и Добчинский (Игорь Сидоренко и Андрей Зубков), Осип – Валерий Кириллов.

На последний спектакль «Ревизо-

пребывания Гоголя в... Ярославле.

– Сколько раз Гоголь останавливался в Ярославле? Когда и где?

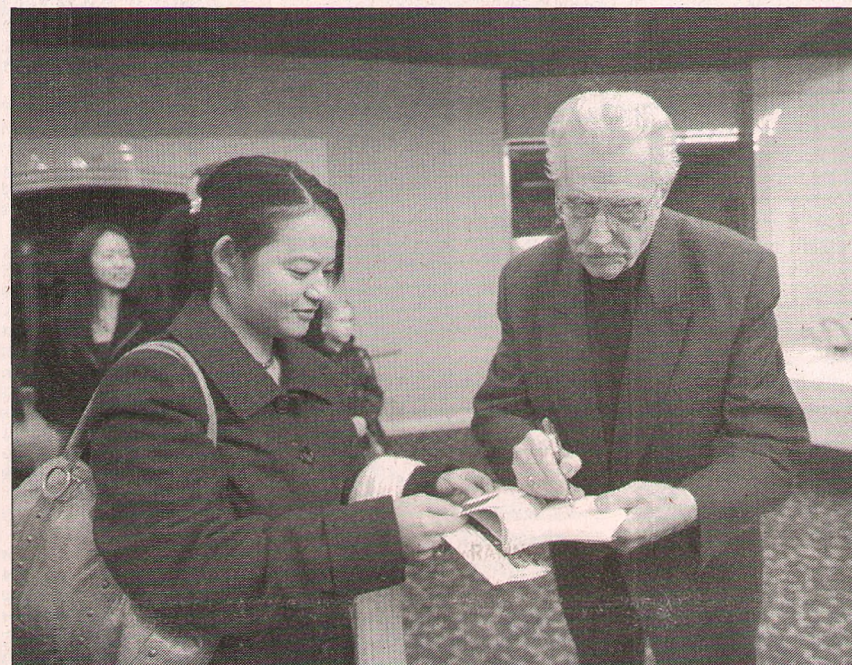
– Но у нас нет таких сведений!

Обладатели тайного знания о Гоголе в Ярославле посмотрели на меня с чувством тайного превосходства. Мои собеседники, как выяснилось, готовят исследование о «Мертвых душах», и у них есть данные, что губернский город был списан Гоголем с Ярославля!

– Гоголь всегда дает обобщенный город, – пыталась объяснить я своим

Фото Сергея МЕТЕЛИЦЫ.

зрителям было сложно. Не зная языка, им надо было следить не только за актерами, но и за бегущей строкой. Я смотрела на своих соседей по креслам и видела, как блестяли их глаза, как боялись они пропустить хоть одно слово...

Впервые волковцы работали в режиме антрепризы. Всю неделю и каждый день «Ревизор». Семь «Ревизоров» подряд. Семь дней Городничий – Солопов держит всех чиновников в

довское и сюрреалистическое в музыке Юрия Прялкина, в томительной танцующей пластике скользких чиновников, замороженных столичным гостем. И Хлестаков – Евгений Мундум – не привычно порхающий без царя в голове мотылек, а мизантроп, презирающий все и всех, и прежде всего самого себя. А еще – джокер, игрок, арлекин, дьявол, провокатор.

После спектаклей зрители приносили актерам цветы и сувени-

ра» пришли особые зрители. Половина зрительного зала говорила по-русски. Это были японцы, владеющие русским языком, работающие в фирмах, сотрудничающих с Россией. И этот последний спектакль стал настоящим триумфом волковцев. В зале стоял восторженный гул.

Японцам дороги традиционные ценности. Они готовы сражаться за них со всем энтузиазмом. Это не консерватизм, а сохранение истории и памяти. Модернистские изыски они встречают скептически.

В своих отзывах о нашем «Ревизоре» преподаватель танца школы театральной культуры Токио Кейко Сасада отметила классический уровень интерпретации классического произведения. Это очень высокая по японским меркам оценка. А профессор, искусствовед г-жа Миямото Татие (общество «Япония – страны Евразии») подчеркнула ансамблевость и класс исполнения: «Удивительно зрелый уровень мастерства всех актеров труппы». А вот высказывание Ютаки Исикавы: «Ревизор, который есть в спектакле, высшего порядка... Он приехал проверить не документацию и не бумаги, не состояние дел. Для нас важно, что Ревизор проверяет состояние души каждого из героев спектакля... Это в спектакле главное».

На приеме по окончании гастролей меня пригласили к беседе японские коллеги одного из университетов Токио, где есть кафедра русского языка и литературы. Они говорили по-русски. Попросили рассказать о подробностях

коллегам. – Это и провинция, и столица, и город, и деревня.

Правда, ни одного доказательства мои собеседники не привели, дав понять, что это в определенной мере новая страница в гоголеведении и их «ноу-хау», которое они собираются отстаивать и защищать. Мои русские друзья, Петр и Мария Подалко, с которыми я познакомилась на спектаклях нашего театра (Петр из Новосибирска, по приглашению японской стороны он преподает на факультете экономики и бизнеса токийского университета Аояма), предположили, что со мной разговаривали не настоящие ученые, а любители, каковых в Токио немало.

Позднее я пыталась понять логику размышлений моих собеседников, уверенных в пребывании Гоголя в Ярославле. В одном из писем Гоголь сообщал, что хотел бы съездить на Верхнюю Волгу, в Кострому и в Ярославль. Отдельные главы «Мертвых душ» он писал в Абрамцево под Москвой и читал эти главы Константину Аксакову.

В усадьбу Абрамцево Гоголь ездил, как указано на одном из англоязычных сайтов, «from Yaroslavl Station», что можно перевести и как «со станции Ярославль»...

Все-таки некая чертовщинка в этой беседе была. Я даже не успела записать имена своих коллег. Чем черт не шутит, а вдруг и впрямь Гоголь бывал в Ярославле? Наверное, бывал. И конечно, инкогнито. Проездом из Петербурга.

Мargarita ВАНЯШОВА.